

ФЕДОР АБРАМОВ
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

*Роман
(фрагменты)*

Глава первая

Зимой, засыпанные снегом и окруженные со всех сторон лесом, пинежские деревни мало чем отличаются друг от друга. Но по весне, когда гремучими ручьями схлынут снега, каждая деревня выглядит по-своему. Одна, как птичье гнездо, лепится на крутой красной или меловой щелье; другая вылезла на самый бережок Пинеги, – хоть из окошка закидывай лесу; третья – кругом в травяных волнах – все лето слушает даровую музыку луговых кузнечиков.

Пекашино распознают по лиственнице, громадному зеленому дереву, царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает: ветер занес сюда летучее семя или уцелела она от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные избы староверов? Во всяком случае по загуменью, на задворках, еще и теперь попадают пни. Полуистлевшие, источенные муравьями, они могли бы многое рассказать о прошлом деревни...

Целые поколения пекашинцев, ни зимой, ни летом не расставаясь с топором, вырубали, выжигали леса, делали расчистки, заводили скудные, песчаные да каменистые пашни. И хоть эти пашни давно уже считаются освоенными, а их и поныне называют навинами. Таких навин, разделенных перелесками и ручьями, в Пекашине великое множество. И каждая из них сохраняет свое изначальное название. То по имени хозяина – Оськина навина, то по фамилии целого рода, или печища по-местному, некогда трудившегося сообща, – Иняхинские навины, то в память о прежнем властелине здешних мест – Медвежья зыбка. Но чаще всего за этими названиями встают горечь и обида работяги, обманувшегося в своих надеждах. Калинкина пустошь, Оленькина гарь, Евдохин камешник, Екимова плешь, Абрамкино притулье... Каких только названий нет!

От леса кормились, лесом обогревались, но лес же был и первый враг. Всю жизнь северный мужик прорубался к солнцу, к свету, а лес так и напирал на него: глушил поля и сенные покосы, обрушивался гибельными пожарами, пугал зверем и всякой нечистью. Оттого-то, видно, в пинежской деревне редко кудрявится зелень под окном. В Пекашии и доселе живо поверье: у дома куст – настоится дом пуст.

Бревенчатые дома, разделенные широкой улицей, тесно жмутся друг к другу. Только узкие переулки да огородцы с луком и небольшой грядкой картошки – и то не у каждого дома – отделяют одну постройку от другой. Иной год пожар уносил полдеревни; но все равно новые дома, словно ища поддержки друг у друга, опять кучились, как прежде.

Весна, по всем приметам, шла скорая, дружная. К середине апреля на Пинеге зачернела дорога, уставленная еловыми вешками, засинели забереги. В темных далях чернолесья проглянули розовые рощи берез.

С крыш капало. Из осевших сугробов за одну неделю выросли дома – большие, по-северному громоздкие, с мокрыми, потемневшими стенами. Днем, когда пригревало, в косогоре вскипали ручьи, и по деревне волнующе расстился горьковатый душок оттаявших кустарников...

В правлении колхоза уже с час ждали председателя. Люди успели переговорить и о последних сводках Совинформбюро, и о письмах земляков с фронта, посетовали, что от союзников все еще нет подмоги, а председателя не было.

Наконец па улице раздался конский топот.

– Едет наш Еруслан, – сказал кто-то со вздохом.

Шум и грохот на лестнице, визг половиц в коридоре, – и в контору не вошел, а влетел коренастый мужчина в кубанке, лихо заломленной на самый затылок, в стеганке защитного цвета, туго перетянутой военными ремнями. Нахлестывая плеткой по голенищу, словно расчищая себе дорогу, он стремительно, в раскачку, прошагал к председательскому столу, бегло окинул присутствующих лихорадочно блестящими глазами.

– Заждались? Ничего, привыкайте – время военное. Понятно? А где бригадиры номер три и четыре?

– Они, Харитоша, еще давеча ушли...

Председатель резко повернул голову к своему посыльному – маленькому, худенькому, как замороженный подросток, старичку, которого в деревне любовно называли Митенькой Малышней.

– Сколько тебе говорено, что здесь нет Харитоши, а есть товарищ Лихачев!..

Малышня, возившийся с дровами у печки, виновато заморгал кроткими, голубиными глазками.

– Сейчас же доставить!

Лихачев бросил на стол плетку, смахнул пот с жесткого, изрытого оспой, как картечинами, лица и открыл заседание:

– Какую обстановку видим на дворе? Наступающую весну! Генеральная линия – сев. Понятно? Я зачну сегодня без всякой политической подкладки – прямо с голой картины колхоза...

Люди недоверчиво переглянулись. Все по обыкновению приготовились слушать очередную речь председателя о международной обстановке, о положении па фронтах, его нескончаемые сетования на свою разнесчастную судьбу, обрекшую воевать в тылу с бабьем.

– А картина эта... – Лихачев поморщился. – Ежели говорить критически, табак, а не картина! Знамя, где, спрашиваю, знамя? В переднем углу в «Красном партизане» Проньке Фролову затылок греет. А почему? Через что лишились? Хлеб в прошлом году упустили под снег? Упустили. Сенокос до ста не дотянули? Не дотянули. Ежели так катиться дальше – это в наше-то геройское время!.. – Лихачев сделал паузу. – Бригадиры, докладайте подготовку к севу.

Бригадиры молчали. По комнате, путаясь в золотой россыпи апрельского солнца, сизыми волнами расстилался чад самосада.

Лихачев властно сказал:

– Бригадир номер один, говори!

Федор Капитонович пожал узкими плечами, не спеша встал.

– По нынешним временам, я так понимаю, терпимо. Семена на всходы пробованы, без плугов да борон тоже в поле не выедем, – это уж как всегда. Ну, а ежели в части навоза и маловато, дак опять же война – понимать надо...

И Федор Капитонович, со значением посмотрев на колхозников, сел.

В глазах Лихачева мелькнула растерянность.

– Что ты мне портянку жуешь? Плуги, бороны... Пронька Фролов за тебя позор смывать будет? Товарищ Сталин как сказал? Перестроить всю работу на военный лад! Понятно? Сроки – вот об чем речь.

– Это уж как стихея, товарищ Лихачев, – развел руками Федор Капитонович.

– Будет тепло – раньше прикончим, а ну как сиверок? Опять же сила наша... Колхозников-то натуральных – раз, два и обчелся...

– Это каких-таких натуральных? – недоверчиво спросил Лихачев.

– Стало быть, так: по нашей деревне на войну десятков шесть взято. А кто остался? Старой да малой, да баба, как говорится, но отсталости...

Лихачев крикнул в знак одобрения.

– А площадь? – продолжал неторопливо Федор Капитонович. – А площадь, как были, так и остались. Вот и получается: семена-то в землю втолочим, а что соберем? Да ведь это разор колхозу и всей державе!

– Выкладывай! – поощрительно мотнул головой Лихачев, которому за многоречивым петлянием бригадира почудилось какое-то важное предложение.

– Это к чему ты клонишь, Федор Капитонович? Посевы сокращать? Так понимать надо?

Взгляды всех обратились к черноглазой женщине в белом платке, сидевшей у окна рядом с молоденькой девушкой.

Федор Капитонович живехонько вскочил на ноги, всплеснул руками:

– Да что ты, бог с тобой, Анфиса Петровна! Такое скажешь – посевы сокращать... Как можно? Об этом и думать не смей! – Федор Капитонович строго и назидательно потряс прокуренным пальцем. – А вот ежели бы дальние поля на годик-другой в пары пустить, – это другое дело...

– Что-то мудро говоришь, Федор Капитонович, – опять подала голос Анфиса. – А по мне что пары на два года разводить, что посевы сокращать...

– Это категорически не годится! Понятно? – отрезал Лихачев.

– Ведь вот народ, завсегда переиначут, – с обидой покачал головой Федор Капитонович. – Тут думаешь, как колхозу честь взвернуть, а они же тебя и обвинят... Площадь сокращать? Грому-то сколько! А подумала ты, Анфисьюшка, что такое площадь, с чем их едят-кушают? Ну хорошо же, растолкую я тебе... Мызы да навины у нас, – считай, песок да камень. А при теперешнем уходе и вовсе погибель наша. А вот ежели получше за ближние поля взяться, картина сразу разыграет, все пары окупятся. Сами знаете, хорошая овца трех худых заменит... И еще скажу... – Тут Федор Капитонович, проворно оглянувшись вокруг, снизил голос до шепота: – Люди здесь свои, радетели колхоза... Налоги-то с площадей платить. А с умом повести дело – дальние навины списать можно. В районе тоже люди, и к ним подход найдется...

– Правильно... Надо и о себе подумать. С чем год жить будем? – раздались несмелые голоса.

– Это он верно, далеко смотрит!..

– А по-моему, – воскликнула молодая соседка Анфисы, – Федор Капитонович даже очень близко смотрит! По-моему, раз Украина-житница под врагом, сраженье там... другие области и края заменить должны. Об этом и в газетах пишут...

Федор Капитонович насмешливо и сожалеюще посмотрел на девушку, которая от смущения покраснела до самых глаз.

– Ну, спасибо, Настасья Филипповна, просветила старика. И про Украину-житницу и про сраженье в ней – обо всем сведенье подала...

– Да будет тебе ехидничать-то, – нахмурилась Анфиса. – Умный человек, а слушать тошно... Срам какой! Мужики там кровью обливаются, а мы тут задумали кустарники в навинах разводиться. Когда это нас о площадях спрашивали? А теперь, небось, план такой – пахать, не перепахать...

– Тихо! – Лихачев пружинисто выпрямился. – Засевать все – до последней пяди! Понятно? А ты... – бросил он исподлобный взгляд на Федора Капитоновича. – Твое выступление сегодня – чистая паника и малодушие. Понятно? Теперь так – вопрос к бригадиру номер два: как смывать позор с колхоза будешь? Обозначь конкретно сроки. А то завела: кустарники, кустарники... Где твоя перестройка?

Анфиса побледнела, вскинула голову.

– Ну вот что, Харитон Иванович! С завтрашнего дня я тебе не бригадир, – поищи другую. Хватит, поперестраивал. Только и слышу: панику не разводи, перестраивайся на военный лад! А сам-то ты перестроился? А по мне дак вся твоя перестройка, что обзавелся шлеей да брючищами с красной прошвой...

По конторе прошел сдержанный смешок и разом оборвался.

– Ты это, Минина, что? – Лихачев, как штык, выбросил в сторону Анфисы обрубок левой кисти. – Тыл подрывать? На кого работаешь?

В томительной тишине все услышали тяжелую, медвежью поступь в коридоре. Двери треснули, и в контору, шумно дыша, ввалился низкорослый Трофим Лобанов. Из седой чащи волос, как стоячие озера, глянули круглые немигающие глаза.

– Слыхали? – вострубил он на всю контору. – Степан письмо от сына получил...

Глава вторая

Анфиса еще с крыльца правления услышала дробный перестук топора, – в пристынувшем воздухе он гремел на всю деревню. Она сразу догадалась: сват Степан на своем сеннике воюет. Всегда вот так – и горе и радость топором вырубает.

Дом Степана Андреяновича, большая двухэтажная хоромина с малой боковой избой, выходит на деревенскую улицу взвозом – широким бревенчатым настилом с перилами, по которому в прежнее время гужом завозили сено да солому на сенник.

У других хозяев взвозы давно уже переведены на дрова, а новые дома строили вообще без них: для одной коровы и на руках нетрудно поднять корм. Степан Андреянович поддерживал взвоз в сохранности. Поднимаясь на сенник, Анфиса даже отметила про себя, что некоторые прохудившиеся балки заменены новыми лесинами. Ей и всегда-то нравилась хозяйственная ретивость старика, а сейчас, во время войны, когда без мужского догляда на глазах ветшали и разваливались постройки, она всякий раз, проходя мимо, с удовольствием поглядывала на дом свата: все крепкое, добротное, сделано на вечные времена.

Из открытых дверей с просмоленными косяками тянет свежей щепой, старыми березовыми вениками. И тут все надежно, домовито. По одним топорам видать хозяина. Не меньше дюжины их в деревянной натопорне. А сколько топоров, столько, говорят, и рук в доме.

Степан Андреянович, широко расставив ноги в низких валенках, носками зарывшихся в щепу и стружку, выгибал березовый полоз. Непокорное дерево скрипело, упиралось, из стороны в сторону водило тело старика.

– Слыхала про нашу-то радость?

Полоз стремительно повело назад. Анфиса хотела кинуться на помощь, но старик с силой рванулся вперед, и полоз нехотя, со скрипом вошел в петлю.

Наспех вбив расклинье, Степан Андреянович разогнулся и, шумно дыша, с радостным блеском в глазах подошел к Анфисе. Как всегда – и в лютый мороз и в несносную жару – он был без шапки. В густых рыжих волосах, подстриженных по-староверски – в кружок, просвечивала мелкая стружка.

– Ну, с праздником тебя с великим, сват. Дождались-таки весточки.

– Да уж праздник дак праздник. Каково, сватьяшка, – с самой-то войны ни слуху, ни духу?.. Чуешь, двери-то хлопают, – кивнул Степан Андреянович в темный угол на лестницу, которая вела в боковую избу. – Сама-то прямо ожила, а то ведь лежкой лежала. Рубаху сына в избе развесила... Да ты присядь, сватья. – Степан Андреянович выдвинул подсанки из угла, сел рядом с Анфисой. – А твой все не пишет?

– Нет, – сухо ответила Анфиса. – А что Василий Степанович? Здоров?

– Слава богу, здоров и невредим. А бывать во всяких сраженьях бывал. И на купированных землях, и в партизанах, н фронт переходил – всего досталось. Вишь ты, сразу-то в окружение попал, ну и письмо-то некак было послать... А что про немцев, Анфисьюшка, пишет – страсть! Людей наших тиранят – хуже татар каких... Да ты зашла бы в избу. Чайку бы попили. Я сахарком на днях разжился... Мы ведь как-никак родня. С твоей-то матерью кумовьями были. Покойница, бывало, редкий праздник не зайдет...

– Зайду, зайду. Только не сейчас. Корова еще не доена. Полдня в правление высидела.

– Заседали?

– Ох, наше заседанье! – вздохнула Анфиса. – Весна на поля просится, а у нас глаза бы не глядели. Я не утерпела, сказала. Дак уж Лихачев кричал... А Федор Капитонович, подумай-ко, сват, что надумал: дальние навины под пары пустить!.. Я говорю, самое время лес на полях разводить. Где только и совесть у человека...

– Да... – неопределенно протянул Степан Андреянович.

Над головой, обдуваемые ветерком, зашелестели веники. Сквозь щель в крыше робко и неуверенно проглянула первая звездочка. Анфиса поднялась с подсанок.

– Забыла, сват... Завтра за сеном с бабами не съездишь? Речонка, говорят, сопрела. Куда они без мужика?

Степан Андреянович почесал в затылке.

– Поясница у меня... ладу нет...

– Поясница? – Анфиса обвела глазами темные простенки с белевшими полозьями. – Сани, небось, для лесопункта день н ночь колотишь...

– Да ведь плачешь да колотишь. Исть-пить надо...

– А колхоз пропадай?! Бабы и то говорят: нам житья не даешь, а свата укрываешь... Ты хоть бы для сына это...

– Не по-родственному, сватья... – с обидой в голосе проговорил Степан Андреянович.

– А всю работу взвалить на баб – это как, по-родственному?

На улице, ступая по заледенелой дороге, Анфиса одумалась. Она была вконец недовольна собой. И что это на нее сегодня нашло? Со всеми поругалась. И зачем старику-то радость испортила?

Над деревней сгущались синие сумерки. Огня в домах не зажигали – всю зиму сидели без керосина. Только кое-где в проулках вспыхивала лучина, которой освещалась хозяйка, не успевшая управиться с домашними делами засветло. За рекой вставала луна – огромная, багрово-красная, и, казалось, отсветы пожара, далекого и страшного, падают на белые

развалины монастыря, на тихие окрестности северной деревни, затерявшейся среди дремучих лесов.

Дома, подоив корову, Анфиса поужинала в потемках и лишь тогда засветила маленькую коптилку.

Под окнами голосисто и жалобно всплеснулась частушка:

*На германскую границу
Накидаю елочек.
Чтоб германские фашисты
Не убили дролечек.*

Девушки шли стенкой, взявшись под руки, а сзади них врассыпную, как телята при стаде, бежали нынешние ухажеры.

«Бедные девки, – подумала Анфиса, задергивая занавеску, – и погулять-то вам не с кем».

Потом она снова села за стол и стала читать длинный-предлинный вопросник, который ей еще утром вручили в правлении. Неслыханные порядки заводил Лихачев. Каждую неделю бригадиры должны подавать письменную сводку.

Вывозка навоза, ремонт сельскохозяйственных машин и орудий (сеялки, плуги, бороны), процент всхожести семян... Наличие рабочей силы (мужчин, женщин, подростков)...

Да что он, рехнулся? По неделям растут люди, что ли? Но делать нечего – пиши, коли приказано.

Последние слова она дописывала зевая, борясь со сном. Уже раздеваясь, она услышала под окном летучие, хрусткие шаги.

– Можно на огонек?

В темноте у порога, как звезды, блеснули глаза. Не дожидаясь ответа, Настя подбежала к Анфисе, обхватила ее холодными руками. На Анфису пахло весной, лесом.

– Уже ты, заморозишь! – Она с притворной строгостью начала отпихивать девушку.

– Заморожу? Ну так вот тебе, вот тебе...

И Настя со смехом стала обнимать Анфису, прижиматься к ее лицу нахолодавшей щекой.

Анфиса, поживаясь, ворча, высвободилась из объятий, накинула на плечи байковую кофту: ей неловко было стоять перед девушкой полураздетой, хотя та редкий вечер не забегала к своей подруженьке. И все вот так: то «на огонек», то «на минутку отпышаться»...

– Ты что не в клубе? – не без удивления спросила Анфиса, разглядывая девушку. На ней была обычная стеганка, в которой она ходила па работу, серые валенки, обшитые на носках кожей.

– А чего я там не видала! Пыль да копоть от лучины. – Настя присела на стул, сдвинула на затылок белый пушистый платок. – Я, знаешь, где была? В навинах. Мама за прутьем посылала – нечем опахаться у крыльца. А в навинах... Луна, наст крепкий-крепкий. Я, как на крыльях, бежала... А знаешь что, Фисонька?.. – вдруг присмирившим, загадочным голосом зашептала Настя. – Мне опять письмо пришло. Карточку просит...

Вся вспыхнув, она медленно подняла глаза к Анфисе:

– Посылать ли?

Анфиса не могла сдержать улыбки. Ох, Настя, Настя, и выдумала ты себе любовь! Парня в глаза не видала – может, и взглянуть не на что. Да и то сказать: где они, парни-то? Хоть на бумаге, а любовь...

И она живо ответила:

– Пошли, пошли... Что не послать!

Настя с благодарностью улыбнулась ей.

– Я вот не знаю только, – тем же доверчивым голосом, помолчав, заговорила она, – какую карточку... Я бы хотела, знаешь, ту, где я с косами. Только там я босиком. Может, не хорошо?..

– А чего не хорошо? Ноги у тебя не украдены. Пусть полюбуется.

– Ох уж ты, Анфиса Петровна... – Настя стыдливо покачала головой. Потом она с прежней живостью вскочила па ноги.

– Побегу, завтра рано вставать... А я тебе опять сон растрясла.

– Ладно, выплусь. А как там в дальних навинах? – спросила Анфиса уже у порога. – Много навозил Клевакин навоза?

– Федор-то Капитонович? – беззаботно улыбнулась Настя. – Что ты, Анфиса Петровна. Где кучка, где две. А у Поликарпа и того нет – голым-голо...

– Да не может быть! – Анфиса схватила девушку за руки.

– Нет, вру я, – обиделась Настя. – Сходи, посмотри сама.

Анфиса выпустила Настины руки.

– Ну, тогда без хлеба останемся... Поликарпова бригада завсегда выручала.

Настя широко раскрытыми глазами, не дыша, смотрела-на Анфису. Она поняла все. В дальних навинах без навоза и сорняк не родится. Где же у нее-то глаза были? Еще комсорг... Ведь должна бы знать: Поликарп всю зиму болеет. Тот, колхозный радетель, за него и бригадой правит...

Она быстро забежала по комнате. На столе вздрогнул и замигал светлячок.

– Вот что, – сказала Настя решительно. – Я Лихачева искать пойду.

Анфиса безнадежно махнула рукой:

– Как же, найдешь теперь нашего Харитона.

– Ну так я всех на ноги подыму. Палку возьму да под каждым окошком стучать буду.

– Не выдумывай. Женки весь день с сеном маялись – из-за Синельги вброд доставали...

Настя с отчаянием всплеснула руками:

– Да ведь, может, завтра ручьи побегут! Ты что, Анфиса Петровна, не понимаешь?

Анфиса нахмурила брови.

– Разве ребят да девок кликнуть – давеча в клуб прошли...

– А ведь н вправду!

Настя схватила с вешалки Анфисину фуфайку, плат.

– Пойдем, Анфисонька, тебя лучше послушают.

Мишка Пряслин, взбежав па крылечко своего дома, осторожно открыл ворота, ощупью – пересчитывая шаткие половицы в сенцах – добрался до дверей. В избе темно, пахнет сосновой лучиной с печи, нагретым тряпьем. От передней лавки – посапыванье спящих ребятишек.

– Я вился, полуночник. Уроки опять не выучил.

Мишка, не обращая внимания на ворчанье матери, приподнявшейся на постели, торопливо прошел в задоски и, нашарив чугунок с холодной картошкой, сунул несколько картофелин в карман. У печки под порогом с трудом разыскал рукавицы.

– Да ты никак опять на улицу?

– Нет, лежать буду! – огрызнулся Мишка. – Понимаешь, – горячо зашептал он, на цыпочках подходя к матери. – У Поликарпа все навина голы... Сейчас прибежала в клуб Анфиса Петровна – всех навоз возить.

Мишка выпрямился, стряхнул с себя сонное тепло.

– Переоденься. В чем в школу-то пойдешь?

– Ну еще...

– Переоденься, кому говорят! Вот уже напишу отцу... Совсем от рук отбился...

– Да пиши ты, жалоба... Все только отцом и стращаешь...

От дома Пряслиных до конюшни целый километр, и вот то, чего боялся Мишка, случилось. Прибежал он на конюшню, а лошадей уже не было.

Конюх Ефим зло пошутил:

– Бойкостью ты, парень, не в отца. Тот, бывало, всегда во всем первый... Ну, коли, проспал, запрягай быка.

И Мишка, чуть не плача от стыда, выехал с конюшни на проклятой животине. Возле кузницы он услышал знакомый-знакомый перепляс кованых копыт. Взметнувшимся ветром у него едва не сорвало с головы шапку, на сани дождем посыпались ошметки наледи. Мимо, весь залитый лунным светом, пролетел Партизан. На санях, натянув вожжи, выгибалась Дунярка.

– Что, Мишка, всхрапнул часок-другой? – насмешливо крикнула она оборачиваясь. – А я уж за вторым еду.

Мишка хотел крикнуть что-нибудь донельзя обидное, но от Партизана уже и след простыл... Вот кто опять перескочил ему дорогу! Из-за этой язвы у Мишки вся жизнь шиворот-навыворот. Какого стыда он натерпелся на днях! «У Пряслина рост с телушку, а сознательности на полушку»... Ну и прокатили, не приняли в комсомол... У нее и отец такой. Бывало, идет Мишка с ребятами, а тот сидит под окошком, зубы скалит: «Зятек, приворачивай на чаек». Так и прилип этот «зятек», как репей к шелудивому барану. Ладно, хоть черта зубастого на войну утапали, а то бы житья от него не было...

У скотного двора пароду и лошадей сбилось как на ярмарке. Шум, смех, лязганье вил, смачное шлепанье навоза. Кто-то светил лучиной. Мишка еще издали увидел Партизана. Среди низкорослых, брюхатых лошадечек он возвышался, как лебедь, – белый, с гордо выгнутой гривастой шеей.

Мишка пристроил быка в очередь и, кляня все на свете, стал проталкиваться к саням, на которые наваливали навоз. Дунярка и тут командовала. Как же, выхвалялась! Придерживая за узду жеребца, нетерпеливо перебиравшего ногами, она покрикивала:

– Наваливайте скорей. Это вам не бык столетней давности...

– Как же ты оплошал, Михаил? – спросила его Анфиса. – Дунярка, отдай ему Партизана. Где тебе с таким зверем управиться!

– Как бы не так! – ухмыльнулась Дунярка. – Это мы еще посмотрим.

– Не горюй, Мишка, – рассмеялась Варвара Иняхина, поворачиваясь к нему. – Которым с быками не везет, тем в любви везет. Хочешь, ягодка, поцелую?

Мишка оторопело попятился назад. Дунярка взвизгнула.

– Взбесилась, кобыла! – гаркнул Трофим на Варвару. – Скоро на детей будешь кидаться.

– Я бы и тебя, Трофимушко, поцеловала, да у тебя борода колючая...

Поднялся шум, галдеж, – вороны так на холод не кричат.

Мишка сбегал к своим саням за вилами – разве дождешься толку, когда бабье свой граммофон заведет? – и вместе с навальщиками принялся отдирать навоз.

Со скотного двора он все же выехал на коне. Уступила Парасковья, которая, как рассудили женщины, хоть на черта посади – все равно по дороге заснет. Немудреный конек, еле ноги переставляет, а ежели поработать ременкой, – ничего, трясется.

Скрипят полозья по оледенелой дороге. По небу бежит месяц яснолицый, заглядывает Мишке в глаза, серебром растекается по заснеженным полям, по черни придорожных кустов. Сбоку – в половину поля – качается синяя тень от коня.

«Вот бы мне такого коника! – думает Мишка. – Этот почище Партизана был бы. – Он смотрит на великана, в огромной ушанке, с жердью в руке восседающего сзади коня. – А еще бы лучше мне таким. Один бы всех фашистов перебил».

Потом он долго глядит на Полярную звезду, мерцающую в ясном небе, и уже под наплывающий сон думает: «Вот ежели идти на юг, прямо-прямо, много-много ночей и дней идти, можно бы на фронт выйти...»

На ухабе сани тряхнуло, и Мишка поднял отяжелевшую голову. Перед ним чернел Попов ручей. Сон с него как рукой сняло. По рассказам, в Поповом ручье пугало. Говорят, будто давным-давно тут повесился какой-то мужик и с той поры каждую ночь о полуночи разъезжает по ручью баба-яга в железной ступе, разыскивает душу бедного мужика...

За ручьем стали попадаться лошади порожняком, пронеслась Дунярка, что-то со смехом крича на скаку... Скоро показалось и поле, на которое возили навоз. Мишка быстро разгрузился, вскочил на сани и давай нахлестывать коня...

Под утро он вышел на второе место. Но Дунярка – черти бы ее задрали! – обскакала его на целых пять возов. А тут еще привязался сон. И что ни делал Мишка – не бежал за возом, и растирал лицо снегом, – а сон так и обволакивал его. Под конец он схитрил: свалит воз, сядет на сани, настегает коня и тем временем дремлет.

И вот один раз, когда на обратном пути он задремал, ему вдруг почудилось, что его зовут. Он продрал глаза и похолодел от ужаса: его со всех сторон обступал Попов ручей, – от мохнатого ельника темно, как в погребке...

Слева, из самой глубины чащи, глухо застонало:

– Миш-ка, Миш-ка...

«Это по мою душу...» – мелькнуло в его голове. Падая ничком на подстилку, он успел хлестнуть копя...

– Мишка, Мишка, помоги!..

Голос ему показался странно знакомым. Он остановил коня, приподнялся и опасливо повел головой. Далеко от дороги, там, где ручей переходит в болотистую луговину, на снегу что-то шевелилось.

– Миша, не уезжай... Партизан утоп...

– А, чертова кукла! – злобно выругался Мишка. – Так тебе и надо! – И он с яростью вытянул коня ремешком.

А через несколько минут, понося по все лады Дунярку, повернул обратно...

Перед самым спуском в Попов ручей (как же он раньше-то не заметил!) бугрилась свежепроезженная росстань. Ну, ясно – вот на чем обхитрила. Стахановка!.. Но когда он, миновав кусты, подъехал к луговине, новая боль и отчаяние охватили его: Партизан по самое брюхо стоял в ледяном сусле.

Дунярка, всхлипывая, топталась спереди жеребца, тянула его за повод.

Свет месяца вспыхивал на ее оледенелых валенках.

– Дуреха, бестолочь!.. В прелую ручьевину залезла. Вот обезножит жеребей, тогда узнаешь...

Мишка оттолкнул Дунярку, взял повод в руки.

– Но, Партизан, пошел, пошел...

Жеребец захрапел, обдавая его паром, рванулся вперед, по передние ноги его снова провалились.

– Всё, хана, – махнул рукой Мишка. – Надо жерди таскать, ручьевину мостить.

...На скотный двор они приехали на рассвете.

– Где вас лешак носит? Уснули? – заорал Трофим.

– А может они дролились? Ты почему знаешь? – усмехнулась Варвара.

– Это она... – Мишка исподлобья взглянул на Дунярку и вдруг поперхнулся.

Дунярка стояла поникшая, жалкая, ковыряя обледенелым валенком грязный снег. По смуглым, осунувшимся щекам ее текли слезы. И тут Мишка неожиданно для себя пробормотал:

– Завертка у саней лопнула...

Лихачев пришел в ярость, когда утром, возвращаясь из сельсовета, увидел Партизана в упряжке. Как! Армейский боевой конь! Фондовская единица! Сколько раз говорено этому старому пентюху Ефиму: никаких сельскохозяйственных работ! Так нет, не успел отвернуться – в сани с навозом, как последнее быдло...

Лихачев был заядлым лошадиником – в конях разбирался, знал в них толк-не хуже любого цыгана. Десять лет он возглавлял конский обоз леспромхоза и чуть не каждый год обновлял свою кавалерию. Война сбила его с насиженного места, но и не призвала к себе. Еще мальчишкой, роясь в песке на старом кладбище, он наткнулся на забавную штуковину – тяжелую проржавленную чушку с длинной рукояткой. Чушка за ненадобностью – одна ржавчина – полетела в сторону, а вот медный патрон с прозеленью, извлеченный из нее, Харитонка заинтересовал. Прячась от товарищей, он забежал в ближайшие сосны и начал легонько выстукивать патрон о камень. Взрывом навсегда унесло три пальца с левой руки...

Осенью сорок первого года, когда в районе пошла небывалая перетряска кадров, Лихачева назначили председателем колхоза. Десять лет на руководящей, команду знает, чего же еще?

В новой должности Лихачев не изменил своим привычкам. Каждое утро, перед тем как отправиться в правление, он заглядывал на конюшню. Мимо костлявых, мохнатых клячонок, понуро стоявших на сквозняке, он проходил, судорожно скривив рот, но когда в дальнем утепленном углу всхрапывал белогривый красавец жеребец, суровое лицо его светлело от улыбки.

Лихачев, дрожа от гнева, начал заворачивать коня. Но за Партизаном показались другие, третьи сани, потом он увидел целую толпу женщин возле скотного двора, и мысль его внезапно привяла другое направление. Насчет навоза на днях было крепко разъяснено в райкоме!

Быстро оценив обстановку, Лихачев подогнал своего коня к конюшне, на ходу выскочил из саней и направился к людям.

К удивлению Анфисы, он не стал разносить ее.

– Вот это по-военному, – одобрительно сказал он, сдвигая кубанку на затылок.

Затем, окинув взором холмины навоза, испещренного мокрым снегом, он ткнул плеткой в сторону Анфисы.

– Минина! Под персональную ответственность! Чтобы эти Казбеки в два дня! – плетка взлетела по направлению навин. – Почему не весь народ выгнан? Не знаешь, что такое навоз?..

Лихачев строго оглядел копошившихся в навозе людей и, поскрипывая хромовыми, ярко блестящими сапогами, прямой, молодецкато перетянутый ремнями, зашагал по дороге к правлению колхоза.

Там, строго-настрого приказав Малышне никого не впускать в контору, он сел за стол, достал бумагу.

Часа через два, отирая пот с рябого лица, он перечитывал:

«Совершенно срочно. В газету «Пинежский колхозник».
ДАДИМ СТРАНЕ ГЕРОИЧЕСКИЙ ВОЕННЫЙ УРОЖАЙ!

Колхозники колхоза «Новый путь» наглядно отрешаются от благодушия, а также от мирных настроений, как учит нас товарищ Сталин. В ночь на 16 апреля под энергичным руководством председателя тов. Лихачева они решительно перестроились па военный лад и открыли экстренную вывозку навоза сверх плана. Ибо, как учит «Правда Севера», навоз – залог высокого военного урожая. А высокий урожай нужен для победы геройской Красной Армии над кровавой собакой Гитлером. Колхозники «Новый путь» также единодушно решили заменить Украину – житницу Советского Союза, над которой изгаляются временные фашистские изверги, и засеять все площадь до последней пяди. Вышеуказанный патриотический подъем колхозников «Нового пути» и наглядная перестройка на военный лад были обеспечены активной массовой и политической работой среди колхозников, а также постоянной опорой председателя тов. Лихачева на актив и на массы.

В то же время имеется сведенье, что в «Красном партизане» тов. Фролов дальние поля навозом не обеспечил. Стыдно, тов. Фролов, а еще знамя держишь! Кому очки втираешь? Родине!

Товарищи председатели! Плотнее обпирайтесь на актив и на массы! Вывозите навоз, пока санный путь держится. Дадим стране героический военный урожай! Следуйте за тов. Лихачевым!

Патриот»

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Братья и сёстры : роман // Нева.— 1958.— № 9.— С. 3-142.